

**Д. Ортутай**

## **ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ**

Многие вопросы, которым посвящена эта работа, уже разбирались мною в нескольких статьях<sup>1</sup>. Взаимозависимость традиционных и новых элементов, их тесная диалектическая связь, или всеобщий закон борьбы старого и нового, характерны и для явлений народной культуры. В последние десятилетия фольклористы сумели достаточно убедительно показать, что произведения народного творчества создавались в результате постоянного диалектического взаимодействия общества, сохраняющего и формирующего традицию, и безымянных творцов (поэтов, сказителей). И конечно, невозможно представить без диалектической взаимозависимости культурное влияние друг на друга различных социальных классов. Утверждение о том, что влиянию подвергается лишь одна сторона, приводит к формированию ошибочных концепций вроде теории Наумана или других теорий. Наши этнография и фольклористика одновременно изучают признаки этноса, его внутреннее историческое развитие, а также межнациональные связи, т. е. проблемы взаимной зависимости культур наций во времени и пространстве.

Изучение культуры лишь в том случае не будет односторонним, если включит в сферу своего внимания такие противоположные явления, которые находятся в диалектической взаимозависимости и постоянно оказывают друг на друга влияние. Для раскрытия исторических взаимосвязей венгерские этнографы и фольклористы используют диалектический марксистско-ленинский метод.

Тема настоящей статьи — диалектика исторических взаимосвязей, диалектика традиционного и нового в различных областях народной культуры. Эти связи проявляются по-разному и с различной силой в отдельных случаях, в отдельных «жанрах». В статье приводится лишь несколько примеров этой взаимозависимости из области фольклора.

Маркс указывал: «Мы знаем единственную науку — науку истории»<sup>2</sup>. В соответствии с этим тезисом каждое явление следует изучать в его историческом развитии. К. Маркс также не раз подчеркивал значение традиции в исторических социальных процессах, ее действительную силу. Достаточно в данном случае сослаться на чрезвычайно важное высказывание Маркса, где он как раз определяет основной, с нашей точки зрения, закон диалектической взаимозависимости традиционного и нового. Он пишет: «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а

<sup>1</sup> Gy. Ortutay, Principles of oral transmission in folk culture (variations, affinities), «Acta Ethnographica», VIII, Budapest, 1959, p. 135—221; его же, Роль школьного воспитания в культуре венгерского крестьянина, Там же, XI, стр. 246—262.

<sup>2</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 16.

с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»<sup>3</sup>. Анализируя явления этнографии и фольклора, мы обнаруживаем это диалектическое единство исторических процессов.

Одно время считалось, что задача этнографии сводится к изучению традиционных явлений, вопросов продолжения традиций, к анализу наиболее древних традиций. Полагали, что этнографов может интересовать только «*geses archaicum*» (живая старина). Действительно, многие современные определения этнографии выдвигают на первый план понятие «социального наследия» (*social heredity*), исторической традиции, а часто и ограничиваются этим понятием. Не одна этнографическая школа заявляла, что ее целью является изучение сохранившейся крестьянской культурной традиции и что для нее тем ценней какое-либо этнографическое явление или произведение фольклора, чем древнее отразившаяся в нем историческая эпоха. Одна из ошибок финской историко-географической школы состоит как раз в том, что она не обращает внимания на живую диалектику процесса развития культуры. Для нее важно получить путем сравнения сложных типов и мотивов данные, которые можно использовать для выводов о самой древней эпохе. В противоположность этой школе ряд этнопсихологических, функциональных, неофункциональных и структуралистических направлений чуть ли не разрывает историческую взаимозависимость, считая излишним исследовать процессы складывания традиции и органичиваясь лишь раскрытием синхронных взаимозависимостей.

Мы давно уже отмечали, что в этнографии и фольклористике сочетание синхронных и диахронных методов исследования дает возможность построить модели, близкие к действительности<sup>4</sup>. По нашему мнению, этот метод можно считать диалектическим. Он помогает правильно понять сложные этнокультурные процессы. Упомянем прежде всего одно своеобразное явление, с которым сталкиваются все этнографы в своей работе. Мы назвали его «историческим соседством»<sup>5</sup>. Еще лет пятьдесят назад в венгерской деревне как бы сосуществовали рядом исторические эпохи, следовавшие одна за другой. Это отражалось во всем облике деревни, в распределении наделов, в типах домов. На это можно возразить, что повсюду в Европе то же самое являла и картина города. Но здесь следует отметить одну своеобразную черту: у крестьянских общин не было сознания этого исторического сосуществования. Поэтому в течение веков старое и новое не только находились рядом, но и давали переходные формы, смешивались друг с другом, а через переходные формы пробивало себе путь новое. Это говорит о том, что крестьянская культура была носительницей вековой, а часто и тысячелетней традиции, а также о том, что она изменялась и перестраивалась.

Это явление можно проследить на примере одной дискуссионной проблемы, разрабатываемой венгерскими музыковедами: когда появился и когда стал господствующим так называемый «новый стиль» в строе наших народных песен? Этот стиль сравнительно быстро распространился в конце XVIII — начале XIX века, став с этого времени по существу преобладающим в венгерской народной песне. Спор идет о том, появились ли признаки, характерные для нового стиля, в XVI в., или о них можно говорить лишь применительно к XVII или даже XVIII в. Нам представляется, что элементы нового стиля народных песен постепенно накапливались с XVI в., а количественные изменения дали новое качество, когда на рубеже XVIII и XIX вв. произошли существенные изменения во всем строе крестьянской жизни, вследствие перехода к товарному хозяйству. Для этого времени характерно быстрое распространение целого ря-

<sup>3</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45.

<sup>4</sup> Gy. Ortutay, Magyar népismeret, Budapest, 1937, 44, 1.

<sup>5</sup> Gy. Ortutay, Parasztágunk élete, Budapest, 1937, 32, 1.

да новых явлений: появляются новый стиль в венгерском декоративном искусстве, многоцветность в одежде, в домотканых изделиях. И в народном творчестве так же бурно распространились новые темы, новые жанровые черты. Однако это качественное изменение не стерло традиционных форм стилей старых эпох. Часто они, будучи отодвинуты на задний план, продолжали жить наряду с новыми, победившими формами.

Мы кратко коснулись исторических и социальных причин этого симбиоза, характерного для крестьянской культуры. Он постоянно дает о себе знать. Можно даже сказать, что это творческий симбиоз. Традиционные формы не только сохраняются, но и перестраиваются, приспособляются к новому, а изменяясь, они изменяют традицию или так сохраняют ее, что количественные и качественные изменения происходят постепенно. Так образовался новый стиль венгерских крестьянских песен. Он вырос из определенных предпосылок, заслонив и в то же время сохранив достижения предшествующих эпох.

Поэтому мы не можем исследовать произведения крестьянской народной культуры чисто хронологическими методами. Особенно трудно нам говорить об абсолютной хронологической точности. Нашей цели мы можем достичь, лишь применяя сравнительные, комплексные методы, историко-диалектический метод. Такой метод помогает нам исследовать особенности и пути развития разных фольклорных типов и мотивов, историческое формирование поэтических жанров. По нашему убеждению, лишь с помощью такого исторического подхода этнография может решить вопросы развития материальной культуры, вопросы социально-этнические.

Фольклор дает много примеров исторических изменений, соседства традиционного и нового и их постоянного слияния. Мы имеем в виду и такие примеры, когда сказы о новых героях облекаются в традиционные поэтические сюжеты. Упомянем наиболее яркий. Это один из сюжетов, связанных с именем великого короля венгерского возрождения Матьяша, который заставляет ленивых магнатов окапывать виноградники бедняков. В записи же песни (из собрания этнографа И. Балаши), созданной в конце прошлого столетия, господ заставляет копать виноградники Лайош Кошут — руководитель освободительной борьбы 1848—49 г. Характерно, что венгерская поговорка «Умер король Матьяш, а с ним — и справедливость» была также связана затем с именем Кошута. Известны и другие варианты этого сюжета в ряде анекдотических рассказов<sup>6</sup>. На примере даже одной этой народной песни можно проследить органическую взаимосвязь между традиционным и новым, увидеть, как благодаря этому рождается новое произведение. Таким образом, не только в отдельных областях культуры, но и чуть ли не во всех их элементах можно проследить этот диалектический процесс, характеризующий связь со старым и создание нового. Возьмем ту же поэтическую традицию, связанную с Кошутот. Самым распространенным фольклорным произведением этой революционной эпохи является так называемая «Песня о Кошуте». Она призывала весь наш народ на войну против австрийского гнета. В песне есть выражение: «Если Кошут известит вторично, тогда нужно идти на битву», смысл которого долго оставался неясным. Почему нужно было Кошуту еще раз призывать народ на войну? Из-за малодушия, нерешительности народа? Оказывается, что в XV и XVI вв. в дворянском войске был обычай, согласно которому дворяне вместе со своими оруженосцами были обязаны являться в лагерь, где собиралось войско, по **вторичному** призыву. Этот обычай отразился и в песне, повествующей о созыве революционной армии народа<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> Gy. Ortutay, Kossuth Lajos a magyar nép hagyományában, «Ethnographia», 63 еф., 1952, стр. 267.

<sup>7</sup> Там же, стр. 283.

Текст «Песни о Кошуте» изменялся и дополнялся. Одна маленькая песня (из четырех строк) так звучала в конце прошлого века:

Дождь идет везде.  
Заливает шляпу моего милого.  
Но дождь падает не на господскую шляпу,  
А на головы бедных рабов.

Только первая строка здесь из запрещенной революционной «Песни Кошута» 1848 г. Дальше идет народная песня о крестьянине, но эта первая строка создавала определенный настрой: за невинными, казалось бы, словами скрывался совсем другой смысл, и вся песня воспринималась как революционная. Песня эта может служить примером того, как создается фольклор. Она показывает, как новые чувства и настроения преобразовывали давнюю традицию, как она изменялась и вместе с тем, как сохранялось из старого, из традиционного то, что для песни было особенно важно — ее поэтические особенности, способ выражения.

Эту историческую диалектику традиций и изменений мы могли бы показать на множество примеров. Можно сослаться здесь на балладу о Кате Кадар, в которой имеется древний мотив платка, извещающего о смерти (он делается кровавым), сюжет же баллады построен на конфликте между дворянским сыном, полюбившим бедную девушку, и его высокомерной матерью. Аналогичные мотивы можно найти и в балладах нового времени о разбойниках; некоторые из них восходят к древним поверьям (у героя лишь одно уязвимое место и т. д.)

Этот закон связи между традиционными и новыми элементами является следствием того, что экономические, социальные факторы, определявшие культуру крестьянства в эпоху капитализма, возникли при феодализме. Это вообще характеризует историю восточноевропейского крестьянства, в частности венгерского. В то время как хозяйство крупных землевладельцев все более интенсифицировалось, механизировалось, мелкокрестьянское хозяйство велось в основном старыми способами. Численность безземельного аграрного пролетариата росла. Его держали в бесправном положении, его культура отставала. Еще в 1907 г. парламент Венгрии одобрил закон, разрешавший помещику подвергать телесным наказаниям своих работников. В 1910 г. спорили, нужны ли крестьянам образование, школа, приводя чуть ли не те же аргументы, которыми пользовались в XVIII в. противники обучения крестьян в школах.

Сложившаяся в эпоху феодализма структура культуры восточноевропейского крестьянства, способ формирования этой культуры оставались в основе своей неизменными в течение долгих десятилетий развития капитализма. Это положение в сущности не менялось вплоть до создания социалистического сельского хозяйства. Именно поэтому традиционные формы могли на протяжении длительных исторических периодов приспосабливаться к новому. Этим, например, объясняется упорное сохранение суеверий в крестьянской среде. И, конечно, именно социально-исторические причины определили тот факт, что в среде богатого крестьянства процветало изготовление праздничной одежды, процветало декоративное искусство, а в среде бедного крестьянства живее всего сохранялась традиция устнопоэтического народного творчества.

Изучение взаимосвязей традиционного и нового не решит, конечно, всех проблем этнографии и фольклористики. Однако, я полагаю, что исследование путей создания крестьянской культуры, диалектического соотношения в ней традиционного и нового может принести несомненную пользу.

#### TRADITION AND INNOVATION IN FOLK CULTURE

The article deals with a fundamental problem in the evolution of folk culture — that of the relation between its traditional and its modern elements. The author shows various forms in which the traditional is combined with the modern and illustrates them by examples taken from Hungarian folklore; he analyses some of the methods by which folklore works are produced.